

Колокольный звон на Шахте Грейс не утихал, неустанно молотя по нервам Эмюса.

— Отпусти меня!

Голос Эмюса охрип, он вновь отчаянно рванулся, но Се Ижань лишь сильнее сжал его запястья, намертво блокируя все попытки вырваться.

— Чего ты, черт возьми, добиваешься?!

Се Ижань злорадно усмехнулся, наслаждаясь видом человека, который был на грани срыва, но не имел сил освободиться. Он не спеша произнес:

— Ничего особенного.

Сказав это, он свободной рукой даже нашел время откинуть со лба Эмюса слипшиеся от пота пряди волос.

— Скажи мне пару ласковых, попроси как следует — глядишь, я буду в хорошем настроении и отпущу тебя.

— Мечтай!

Эмюс буквально выдавил это слово сквозь зубы. Сейчас он предпочел бы встретиться с электрошокером надзирателя, чем склонить голову перед этим мерзким самцом жуков.

— О? — Се Ижань приподнял бровь, словно ничуть не удивился, напротив — его интерес только разгорелся. — Тогда будем тянуть время.

Он замолчал, продолжая подавлять Эмюса всем весом своего тела и феромонами. Его темно-зеленые глаза лениво прикрылись, словно он наслаждался этим пленом.

Звон на шахте постепенно стих, последнее эхо растаяло в тяжелом воздухе. Вокруг воцарилась полная тишина, нарушаемая лишь прерывистым, сдавленным дыханием Эмюса.

Все кончено... время безнадежно упущено.

Отчаяние, подобно ледяной приливной волне, мгновенно накрыло Эмюса. Он живо представил, как надзиратели «примут» его за невыполнение нормы. Жгучая боль от электрошока, ожоги от плетей... наказания, к которым он давно привык, теперь, из-за присутствия Се Ижаня, казались невыносимыми. Он снова дернулся, но тщетно. Огромная ярость и бессилие заставили его мелко дрожать.

Се Ижань остро это почувствовал. Он склонил голову, глядя на бледный профиль Эмюса и тот румянец, что проступил от крайнего возбуждения. В глубине его глаз мелькнул темный огонек, и он вдруг выпалил невпопад:

— Что? Я настолько плох?

В его тоне сквозило наигранное, злое любопытство. Эмюс резко повернул голову — он воспринял это как издевку. Его взгляд, казалось, был готов растерзать Се Ижана на месте, и он процедил:

— Ты отвратителен до мозга костей!

Се Ижань не разозлился, а лишь тихо рассмеялся, и вибрация его груди передалась телу Эмюса. Он придвинулся ближе, понизив голос до шепота — по-любовному нежного, но пропитанного властью и собственничеством:

— Каким бы я ни был, — он выдохнул горячий воздух ему на ухо, — но ведь это ты первый меня задирать начал.

Эмюс застыл. Слово «брехня» застряло в горле, но он так и не смог его произнести.

В следующую секунду Се Ижань внезапно сменил тему, словно его мысли всегда скакали с невероятной скоростью. Он смотрел на напряженный профиль Эмюса и его глаза, в которых еще теплился страх перед сигналом шахты.

— Ты очень боишься надзирателей?

Эмюс плотно сжал губы, отказываясь отвечать. Его челюсть была сведена судорогой, но он не смог скрыть легкой дрожи. Он отвернулся, пытаясь избежать пронзительного, словно буравящего его насквозь взгляда Се Ижана. Тот уловил каждое мимолетное движение. Уголки его губ поползли вверх в еще более злой ухмылке, и он медленно, растягивая слова, произнес:

— Хм... я тоже слышан, что правила на Шахте Грейс... скажем так, весьма своеобразны.

Свободная рука Се Ижана медленно скользила вдоль напряженного позвоночника Эмюса.

— Электрошокеры у надзирателей, порки... говорят, после одного удара плетью кожа превращается в кровавое месиво, а в раны еще и шлак забивается, заживает потом долго, ц-ц...

Он говорил неторопливо, но от его слов по спине Эмюса бежал холод.

— Как думаешь, если ты опоздаешь и не выполнишь норму... как они «примут» тебя, бывшего достопочтенного генерал-майора?

Дыхание Эмюса стало тяжелее. Его запястья, вывернутые за спиной, снова дернулись, но их тут же сжали еще крепче. Он так сильно стиснул зубы, что почувствовал вкус крови.

Се Ижань наслаждался этим видом — человек на грани краха, пытающийся сдержаться. Он склонился, коснувшись губами самой ушной раковины, и прошептал тоном, почти ласковым, но ледяным и жестоким:

— Попроси меня, скажи пару ласковых, и я отпущу тебя. И... если буду в духе, может, даже решу все твои проблемы с сегодняшним днем?

Горячее дыхание на чувствительной коже уха напоминало любовный шепот, но не несло в себе ни капли нежности. Эмюс резко обернулся, готовый впиться в него зубами, и прорычал:

— У тебя с головой все в порядке?!

Не успел он закончить —

— А-а-а!

Сдавленный стон боли вырвался из горла Эмюса. Се Ижань без предупреждения снова склонил голову и вонзил острые зубы в его загривок! Феромоны черного чая хлынули внутрь, смешиваясь с раздражением.

— Ты!... Что ты творишь!

Эмюс задрожал от боли, сжимая кулаки. Его тело обмякло, теряя контроль, но рука Се Ижана намертво вцепилась в его талию, прижимая к себе и к каменной стене. Эмюс вцепился в предплечье обидчика, сжимая пальцы все сильнее.

Се Ижань слизнул с губ капельку крови, отдающую сладостью туберозы. Лишь когда Эмюс в его объятиях окончательно обессилел и осталась лишь мелкая, неконтролируемая дрожь, он медленно разомкнул челюсти.

Он поднял голову, на губах алел след крови, а темно-зеленые зрачки в полумраке мерцали звериным блеском, не сводя глаз с Эмюса.

В следующую секунду рука на талии Эмюса сжалась, втискивая его еще глубже в объятия, а другая грубо схватила его за подбородок, заставляя повернуть лицо.

— ...Почему же ты такой непослушный?

Голос Се Ижания стал низким, хриплым, словно от возбуждения, но в нем отчетливо сквозила властность, не терпящая возражений, и наконец прорвавшееся нетерпение.

Он произнес по слогам:

— Проси меня. Сейчас.

<http://bllate.org/book/20053/1982460>